

УДК 001.98;165.12

П. А. Водопьянов¹, Ч. С. Кирвель²

¹Белорусский государственный технологический университет

²Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИУМА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРИНЦИПЫ

В статье раскрыты основные направления рациональности жизнедеятельности общества в условиях глобализации, обозначены ведущие пути управления социальными процессами, обоснованы главные причины достижения указанной цели, среди которых особое значение имеют нарастающая угроза экологического кризиса, опасность неконтролируемого применения ядерного оружия, разрастание межнациональных и межгосударственных конфликтов.

Особое внимание уделено обоснованию формирования новой динамической концепции общественных отношений социального проектирования, учитывающего специфику социального детерминизма и необходимость утверждения гуманистической рациональности.

Ключевые слова: мировоззрение, утопия, рационализм, общество, жизнедеятельность, ценности, действительность, управление, цивилизация, конфликты, коэволюция, гуманизм, прогнозирование.

P. A. Vodop'yanov¹, Ch. S. Kirvel'²

¹Belarusian State Technological University

²Yanka Kupala State University of Grodno

RATIONALIZATION OF COMMUNITY LIFE: OPPORTUNITIES AND PRINCIPLES

The article deals with the main directions of the rationality of social activity in the context of globalization. Authors identify the main social processes control ways and substantiate the main reasons for achieving this goal, among which is of particular importance – growing threat of ecological crisis, the danger of the uncontrolled use of nuclear weapons, proliferation of international and interstate conflicts. Particular attention is given to the justification of forming a new dynamic concept of public relations of social planning that takes into account the specificity of social determinism and the need to strengthen the humanistic rationality.

Key words: ideology, utopia, rationalism, society, society, values, reality, management, civilization, conflict, co-evolution, humanism.

Введение. Рационалистическая система ценностей, со становлением и развитием которой связаны величайшие достижения западноевропейской цивилизации, к началу XXI столетия оказалась исчерпанной. Обнаружилось, что рационалистический подход к действительности содержит в себе, наряду с созидательным, разрушительное, деструктивное начало. Есть все основания утверждать, что абсолютизация рационалистического метода постижения и преобразования действительности в рамках прежде всего западноевропейской техногенной цивилизации сплошь и рядом приводит к явно иррациональным результатам. Поэтому однобокая ориентация на рациональную организацию жизни представляется нам тупиковой.

Основная часть. В реальности сегодня мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: сти-

хийно-спонтанное развитие общества уже невозможно, а вездесущее рациональное управление социальными процессами опасно, часто принимает деструктивный характер. Наверное, парадоксальностью этой ситуации и порождены разные, порой прямо противоположные, точки зрения по вопросу о необходимости сознательного управления социальными процессами. В поисках ответа на него существует, по крайней мере, три подхода.

Первый – сознательное управление социальными процессами и контроль за всем и вся в жизни людей необходимы. На практике такие устремления ведут к тоталитаризму.

Второй – все беды идут именно от попыток самонадеянного субъекта регулировать социальные процессы. Это либеральный подход.

Он опирается на принцип саморегулирования: пусть общество развивается само по себе, так сказать, самотеком.

Ни первый, ни второй подход в том виде, как они здесь представлены, вряд ли можно признать обоснованными. В этой связи целесообразно осмыслить третий, синтетический вариант, суть которого можно свести к следующему.

Необходимость и неизбежность в условиях современности сознательного управления социальными процессами диктуются, в первую очередь, нарастающей угрозой экологического кризиса, опасностью неконтролируемого применения ядерного оружия, возможностью разрастания разрушительных межнациональных и межгосударственных конфликтов и т. д. Однако сознательность не синоним «проектной логики», «проектности», стремящейся подчинить развитие общества заранее заданной схеме. Сознательность заключается в том, чтобы уметь вовремя подключать волю и разум к стихийному процессу общественного развития, не ломая и не насилуя этот процесс, помогать ему, устранять преграды на его пути, препятствовать деструктивным устремлениям отдельных лиц и групп и т. д.

Сегодня, когда человечество вплотную подошло к возможности разного рода катастроф (антропологической, демографической, экологической и т. д.), когда предельно ясны все опасные последствия утопических претензий на тоталитарное управление социальными процессами, судьба гуманистического идеала связана с отказом от идеи овладения, подавления и господства. Гуманистическому измерению соответствует не идеал антропоцентризма (человек – царь природы, венец творения и т. д.), а идеал коэволюции, совместной эволюции человека и его окружающей природной и социальной среды, установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными и социальными процессами, с другим человеком, с ценностями иной культуры и т. д. [1].

Понимание и учет указанных особенностей общественного развития диктуют необходимость разработки принципиально новой, противоположной господствующей ранее концепции социального проектирования и регулирования. Для последней, как известно, было характерно стремление к безальтернативному планированию будущего, постоянно воспроизводящиеся попытки предписать и указать, каким это будущее должно быть и в какие сроки достигнуто. На практике это означало попытку навязать естественно-историческому развитию общества искусственно-рациональный проект, подчинить жизнь заранее заданной схеме, строить будущее на основе

изначально принятого плана, подобно тому, как это имеет место при строительстве домов, заводов и фабрик. В данных устремлениях проявился своеобразный инженерный, технократический подход к общественной жизни, ставящий, по сути дела, знак равенства между социальными и чисто техническими процессами. Согласно такому подходу, общество – это некая машина («Мега-машина»), а отдельный человек – «винтик», который сам по себе не имеет никакой ценности и поэтому в любой момент может быть заменен другим таким же винтиком. Общество в таком случае лишалось активно-творческой силы, которая делает его субъектом исторического процесса и обуславливает способность к самоорганизации, и превращалось в своеобразный механизм, объект для внешнего манипулирования. Но общество не механизм, которым можно управлять извне, разбивать на составные части и снова собирать, а органическая целостность, ни одну из частей которой нельзя без вреда произвольно устранить и заменить другой. Прежде чем что-либо в нем менять, необходимо «проиграть» на модели всевозможные последствия различных вариантов предполагаемого изменения, а не экспериментировать непосредственно на людях, на «живом теле» народа.

Новая динамическая концепция общественных изменений вообще и социального прогнозирования и проектирования в частности предполагает осознание общих перспектив и возможных альтернатив разумного выбора. При разработке данной концепции необходимо обязательно учитывать специфику социального детерминизма, тот получивший уже чуть ли не всеобщее признание факт, что развитое общество не имеет окончательного предопределения, а осуществляется в соответствии с принципом многовариантности, носит нелинейный характер. В этом развитии мало что можно точно предугадать, а тем более спроектировать. Здесь можно только прогнозировать, учитывая столкновение и противоборство различных тенденций и сил. Это значит, что на смену директивному планированию, волонтаристическому крупномасштабному социальному экспериментированию должно прийти мысленное экспериментирование вариативного, гибкого типа, которое будет осуществляться исходя из наличных условий и реальных возможностей практики, органически вырастать из самой действительности, «проигрывая» при этом все имеющиеся в ней тенденции и направления дальнейшего развития. Иначе говоря, на смену теории-предписанию, жестко однозначному прогнозу должен прийти метод косвенного регулирования социальных процессов, когда каждое решение будет

определяться ситуацией, а точнее, тем, что из этой ситуации можно извлечь на благо человечеству.

Деструктивные потенции рационального сознания, опасность притязаний разума на тотальное мироизмерение отмечены и осмыслены уже давно. Напомним в этой связи рассуждение И. Канта о возможностях человеческого разума. Кант отмечал, что слишком ограничен разум, слишком он привязан к миру явлений и ко множеству частных ситуаций, чтобы выступать основой, программой переустройства мира. В своей философской системе Кант вынужден был ограничить разум верой, противопоставить теоретическому разуму практический. А многие русские философы пытались, к примеру, соединить рациональное знание с совестью, любовью, виной и т. д.

Стремление организовать жизнь общества чисто рационально неизбежно оборачивается экспансией утопизма, утопического сознания. Неслучайно первым из наиболее известных представителей утопической мысли был крупнейший рационалист Платон. Рационалистичность, идея построения общества на принципах разума – неотъемлемая черта утопизма как такового. В своем стремлении понять человеческое бытие исключительно на основе разума и устроить общественную жизнь всецело на его принципах, утопизм раскрывается как расширение и абсолютизация философского рационализма. Философские представления о возможности рационального устройства мира принимаются в утопизме за аксиому. В сущности, утопизм – это рационализм, доведенный до своего завершения, до логического конца [2]. Это уже не просто рационализм, а сверхрационализм, абсолютный рационализм, неявно предполагающий наличие некоторого сверхразума, для которого нет тайн.

Существует внутреннее единство рационализма как мировоззренческо-методологического, социально-политического и социально-психологического феномена с утопизмом. Причем именно в данном единстве наиболее зримо обнаруживаются деструктивные потенции рационального сознания. Это обусловлено самой сущностью утопии, ее родовыми характеристиками.

В своей действительности утопия выступает как модель усовершенствования общества на основе устойчивых организационных принципов, посредством идеально отлаженного организационного механизма. Она является логически жесткой конструкцией совершенного общественного устройства, подчиненного вездесущему планированию и регулированию. В ней так или иначе всегда заложено стремление подчинить органическое, спонтанно-естественное движение социума искусственно-рациональному плану, проекту,

изменить человека и общество методами целевого усилия.

Утопизм, несмотря на свое неизменное тяготение к ценностному образно-художественному восприятию действительности, в основе своей есть явление крайне лого-центрическое и рационалистическое. Парадокс утопического сознания состоит в том, что в нем открытое воображение сплавлено в единое целое с глубинными рационалистическими установками, с жесткими рациональными схемами. Будучи ориентированным на целенаправленное внедрение тотальной рационализации жизни социума, утопизм невольно дает санкцию на осуществление всеохватывающего контроля над личностью, рассматривает человека как существо исключительно рациональное, поддающееся исчерпывающему объяснению и описанию. В этом смысле утопию можно квалифицировать как некий рационально-логический универсум, ориентированный на подавление всякого спонтанно-творческого, иррационально-стихийного проявления личности.

Говоря о внутреннем единстве рационализма с утопическим сознанием, имеет смысл напомнить известную мысль ряда представителей французской «социологии утопии» о том, что и для западноевропейского рационализма, и для марксизма, поскольку последний, согласно им, является логическим продолжением и высшей точкой развития первого, характерна «единая тоталитарно-утопическая природа» [3, 4].

И в самом деле, рациональное сознание – сознание преобразующее. Его целью является не приспособление к окружающему миру, а изменение, ускоренное преобразование объектов. Марксизм в этом смысле вполне укладывается в традиции классической западноевропейской рациональности. Как марксизму, так и рационализму в целом внутренне присуща идея мироизменения, трактовка человека и мира как чужеродных, противоборствующих начал. Причем в марксизме речь идет не о каких-то частичных, конкретных преобразованиях, а об изменении мира вообще, в его основаниях. Здесь уже феномен изменения мира приобретает тотальный, ничем не ограниченный характер, явно гипертрофируется и абсолютизируется. Правы те авторы, которые подчеркивают, что ряд особенностей тоталитарного режима власти, в том числе и того тоталитарного аппарата, который возник в СССР, своим происхождением обязан идее возможности и необходимости разумного управления социальными процессами, является продуктом рациональной гордыни, «проектной логики», стремящейся подчинить движение социума умозрительной, заранее заданной цели.

Трагедия истории заключается в том, что нарастающая сила целенаправленного воздействия на природную, общественно-политическую и социокультурную жизнь народов сплошь и рядом принимает деструктивный характер, грозит разрушением фундаментальных основ человеческого бытия. Факты свидетельствуют, что там, где господствовал в отношениях между людьми «теоретический разум» (И. Кант), «инструментальный разум» (Ю. Хабермас), человек всегда превращался в средство, инструмент достижения тех или иных целей, что все крупномасштабные попытки «разумного», «рационального» преобразования мира заканчивались трагически: достигнутые результаты всегда были противоположны первоначальным целям.

Вот почему в наши дни гуманистическому измерению соответствует не идеал социотризма, а осознание того, что человек – союзник природы, ее соучастник, сотворец.

При этом в той мере, в какой исторический выбор необратим и не может быть просчитан, в той же мере необходимо знание запретов на некоторые социальные действия, потенциально содержащие в себе возможность катастрофических последствий. Пора, наконец, понять, что не рациональные модели и внешние схемы, не стремление извне «осчастливить» других, а жизнь в соответствии с совестью и человеческой нравственностью, с чувством собственного долга и собственной ответственностью за совершаемый выбор и поступок есть условие гуманизации и совершенствования общества.

Современная ситуация наглядно продемонстрировала, что полная рационализация мировоззрения эмоционально опустошает человека, обращаясь даже психическими и физическими расстройствами. Людям невозможно жить одним расчетом, так как реальность безнадежно демонстрирует бессилие этих расчетов. Парадоксальность ситуации заключается в том, что цивилизация, построенная в строгом соответствии с требованиями разума, систематически демонстрирует факты едва ли не абсолютной несовместимости с провозглашенными от имени (разума) антропологическими, геополитическими и образовательными идеалами [5].

Разумеется, все сказанное вовсе не означает, что необходимо отказаться от прогресса, разума,

от стремления к совершенству. Это в принципе невозможно и не нужно: стремление к трансценденту, к идеалу внутренне присуще природе человека, имеет онтологическую укорененность в его бытии. Речь идет лишь о том, чтобы направить прогрессистские устремления в гуманистическое русло, сообразовать их с природой и потребностями живого и действующего человека, с возможностью его полноценного развития и устроенностью в этом мире, т. е., в сущности, речь идет о нравственных «противовесах» к «ограничителям» умозрительно-радикальных проектов преобразования мира.

Закключение. Человечеству необходима не просто рациональность как таковая, а гуманистически ориентированная рациональность. Сегодня пришло время расстаться с иллюзорными упованиями на безусловный приоритет рационального сознания перед всеми иными формами дорационального, внерационального восприятия реальности, отказаться от рационалистической «гордыни» и связанной с ней внеисторичности и европоцентризма в подходе ко всем другим культурам, где рациональность не выступила доминирующей формой отношения к миру. Теперь, в начале 3-го тысячелетия, перед человечеством со всей остротой встала грандиозная по своим масштабам задача – сформировать целостное мировоззрение, в фундаменте которого будет лежать как рационально-научное, так и внерациональное (включая и образное) восприятие действительности, выработать цельное знание, где «мир», «космос», «человек» воспринимались бы как органическая живая целостность. Поэтому гуманистическая рациональность только в том случае будет соответствовать современным потребностям, если она сможет воплотить в себе и другие, внерациональные формы освоения мира, признать их разнообразие и равноправие, перейти от рациональной к рационально-образной картине мира. В наше время лишь синтез «философии разума» и «философии сердца» может дать достойное человека отображение мира в его сознании, быть надежной основой для поведения. Как у гармонически развитых людей рациональное и внелогическое восприятие реальности находятся в известном равновесии, так и в человеческом познании в целом оба эти источника знания должны органически сочетаться и дополнять друг друга.

Литература

1. Лекторский В. А. Идеалы и реальность гуманизма // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 27.
2. Теория познания. В 4 т. Т. 4. М., 1995. С. 313–314.
3. Ellul J. Franison de l Occraent. Paris, 1975. P. 172.
4. Gluckmann A. La cuisiniere et le mangeur d'hommes: Essai sur les rapports entre l'etat, le marxisme et les camps de concentration. Paris, 1975. P. 112, 194–195.
5. Мелихов А. Можно ли умыться после Освенцима? // Новая газета. № 69. 25.06.12.

References

1. Lektorskiy V. A. Ideals and reality of humanism. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1994, no. 6. P. 27 (In Russian).
2. *Teoriya poznaniya* [Epistemology]: in 4 vol. Vol. 4. Moscow, 1995. Pp. 313–314 (In Russian).
3. Ellul J. *Franison de l'Occraent*. Paris, 1975. P. 172.
4. Gluckmann A. *La cuisiniere et le mangeur d'hommes: Essai sur les rapports entre l'etat, le marxisme et les camps de concentration*. Paris, 1975. P. 112, 194–195.
5. Melikhov A. Whether it is possible to wash after Auschwitz? *Novaya gazeta* [New Newspaper], no. 69, 25.06.12 (In Russian).

Информация об авторах

Водопьянов Павел Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: pva1940@bk.ru

Кирвель Чеслав Станиславович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 23, Республика Беларусь). E-mail: gfilosof(a)mail.ru

Information about the authors

Vodop'yanov Pavel Aleksandrovich – DSc (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: pva1940@bk.ru

Kirvel' Cheslav Stanislavovich – DSc (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Yanka Kupala State University of Grodno (23, Ozheshko str., 230023, Grodno, Republic of Belarus). E-mail: gfilosof(a)mail.ru

Поступила 14.03.2016